

И / 2583

ПОЛЯКИ В БУЗУЛУКЕ

(1941 - 1942 годы)

К началу Великой Отечественной войны Бузулук был тихим, уютным провинциальным городом, где все друг друга знали в лицо. В августе или сентябре 1941 года по городу прошел слух, что к нам приехали поляки для формирования армии под командованием генерала Андерса. Сколько прибыло - никто не знал. Их разместили в казармах (ул. I-го Мая, дом I), также на частных квартирах и в единственной в городе гостинице по ул. М. Горького, 48. Штаб армии разместился в красивом белоснежном здании с колоннами у парадного входа на пересечении улиц I-го Мая и Красноармейской.

Позднее, со слов матери и старшего брата, я узнала, что эти поляки прибыли сначала в Тоцкое из сталинских лагерей. Своим освобождением из лагерей они были обязаны английской дипломатии, действовавшей по присьбе лондонского правительства Польши, возглавляемого генералом Сикорским. Прибывшие в Тоцкое были плохо одеты, в лагерных фуфайках, многие с опухшими ногами и изможденными лицами, страдали дистрофией, заболеванием сердца и печени. Многие умерли от гепатита (желтуха), не успев дать военную присягу. Вскоре из Англии стало поступать продовольствие (масло, мясная тушенка, шоколад, колорийные сухари, перепелиные яйца и пр.) и военное обмундирование. Подлеченных, окрепших, одетых в военную форму - отправляли в Бузулук. Среди них были и женщины - связистки, жены польских офицеров, расстрелянных в 1939 году в Беловежской пуще. Одна из этих женщин часто приходила к маме. Её звали пани Стаха из Барановичей. Это была молодая блондинка с острыми чертами лица. Она часто плакала, рассказывая о гибели мужа и грудного ребенка.

Постоянным гостем в нашем доме был поляк лет 40 - Бочановский.

Его все звали пан Бочан или просто Бочан, а по имени никто не называл. Он весь искрился энергией, радостью, очень любил детей. Мне тогда было около 3-х лет. Он часто играл со мной и делал подарки. Где их доставал? Наверное из-под земли, так как магазины были пусты. Когда дарил, сам радовался подарку больше ребенка. Однажды привез детскую колясочку из фанеры, а в жаркий день подарил зонтики от солнца. В день отъезда принес деревянный бочонок с крышкой (емкостью 2 литра), весь снаружи разрисованный красными цветами и зелеными листочками. На доннышке сделал дарственную надпись, ^{написав} ~~нарисовав~~ свое имя, фамилию и дату. (К сожалению, этот подарок утерян во время моего переезда из частного дома в квартиру 11 лет назад.) Когда я научилась читать, сама прочла эту надпись. Кажется его звали Роман, но я могла спутать это имя с другим за давностью лет. Бочановский часто приходил к нам с друзьями, просил маму приготовить какое-нибудь польское национальное блюдо или в зимнее время сварить гжанку. Продукты приносил свои. Новый 1942-ой год он с друзьями встречал в нашем доме. Однажды представил нам графа Рогольского. По словам взрослых, это был статный красавец, которому очень шла к лицу военная форма. Часто бывал у нас ксендз.

В нашем доме отогревались их сердца, зарождалась надежда на победу над фашизмом и скорое возвращение на лоно вольной Отчизны.

Радостным событием для всего города был приезд генерала Сикорского. Возле штаба его встречала большая толпа, играл оркестр, кругом вывешены были польские национальные флаги. Сикорский выделялся среди встречающих своей выправкой и высоким ростом. В честь его приезда в штабе состоялся торжественный вечер с концертом. Очень хорошо пела пани Зося. На вечере были и русские, успевшие подружиться с поляками и принявшие живое участие в их судьбе. Среди них-молоденькая Вера Григорьева. В их семью постоянно приходили 3 поляка из Ростока: Бронислав Викентьевич Гжимайло; Георгий Шванецзар (Жорж) и Степан (Стефан). Эти поляки прошли лагерь Кольского полуострова.

Мать Веры ежедневно кипятила им молоко, готовила праздничный ужин из их продуктов, иногда стирала белье. В свободные зимние вечера поляки приглашали Веру и её старшую сестру Любу покататься на санках, приносили им подарки, угощали шоколадом и сухариками, делились теплой одеждой. Новый 1942-ой год по старому стилю эти поляки встречали в их семье. В этот вечер (14 января 1942 года) Жорж подарил альбом со своей фотографией и автографом. Уезжая, обещали писать. С дороги, из Ташкента, пришло единственное письмо, где они сообщали, что их путь лежит в Иран и далее морским транспортом через Средиземное море к месту назначения. Посещал их дом и ксендз, чтобы поблагодарить хозяйку за доброту и отзывчивость. Семья Григорьевых вспоминает поляков с большой теплотой, отмечая высокий уровень их культуры, готовность оказать взаимную помощь и услугу.

В период пребывания поляков в Бузулуке были и неприятные моменты: умирали от болезни товарищи, а однажды случилось ЧП. В штаб ворвался вооруженный русский и, открыв стрельбу, убил одного часового, а сам устремился на 2-ой этаж, где была связь. Второй часовой вынужден был стрелять и убил его. После этого случая у определенной части местного населения стала возникать или насаждаться специально неприязнь к военным полякам.

Перед отъездом на фронт (это было примерно в феврале-марте 1942 года) Бочановский пригласил нашу семью на прощальный вечер и взял меня с собой. Он объяснил маме, что у всех его сослуживцев сейчас плохие предчувствия, а этот улыбочивый ребёнок поднимет настроение и будет для них символом будущей свободной Польши.

Весь вечер Бочановский держал меня на руках, стоя напротив в сцены в актовом зале. После ^{этого} вечера дарил подарки: рисунки, иконки, бусы, шарфики и прочее, у кого что было.

В личном составе армии Андерса были поляки из разных сословий. Одни имели на родине состояние, другие были простыми тружениками, но всех объединял большой патриотизм, горячее желание

участвовать в разгроме фашизма, чтобы Польша быстрее обрела свободу и независимость. Перед принятием присяги каждый воин получил иконку Божей Матери в Острой Бреме, отпечатанную на глянцевой бумаге в Англии с прекрасной молитвой на польском языке. Эту иконку прилагаю и прошу докладчика зачитать молитву по-польски.

В конце молитвы стоит автограф Ксёндза Юзефа Гака и дата:
Лондон, 15 августа 1941 года

Шлю участникам конгресса свой горячий привет и желаю плодотворной работы.

Маев

Эмилия Маевская.

11 ноября 1995 г., г. Бузулуки

P. S.

Перепечатка текста и использование его по другому случаю только после моего согласия.

Маев

И/2583

А В Т С Б И О Г Р А Ф И Я

Я, Мзевская Эмилия Станиславовна, родилась 12 января 1939 года в г. Бузулуке Оренбургской области в рабочей семье, по национальности полька, образование высшее, закончила Кузнецовский плановый институт по специальности "Экономика и планирование материально-технического снабжения". 25 лет работала на Бузулукском заводе тяжелого машиностроения в должности з.м. начальника отдела материально-технического снабжения и короткое время (в связи с инвалидностью) - инженером-технологом на этом же заводе.

Я, ветеран труда, награждена 2 медалями и ведомственным знаком Минтяжмаша. Семьи не имею.

В настоящее время не работаю. Мое увлечение - медицина, юриспруденция и "Закон Божий".

Мзевская

ОТЕЦ — Маевский Станислав Антонович, родился в Польше в Варшаве, в 1833 году.

МАТЬ — Залуска Камилля Марцелевна, родилась в Польше в 1838 году село Ценгачки ("Ксенжо поле") Остроленского уезда.

Мой дед по линии отца — Антон Маевский служил в царской армии. Во время Крымской войны — на флоте, на флагманском корабле адмирала Нахимова. Был полный Георгиевский кавалер (за отличную службу награжден тремя крестами).

Во время Польского восстания 1863 года предводительствовал одним из отрядов восставших в Варшаве. Был ранен. Упав с коня, потерял сознание. Очнулся в госпитале. Сосед по палате ему сказал, что восстание подавлено и предводители приговорены к виселице. "Я гляжу, что ты один из них и тебя ждет эта же участь. Советую тебе сказать, что ты австрийский подданный", — добавил он. "У меня дядя живет в Австрии, я напишу ему письмо, чтобы он признал тебя за своего племянника", — участливо продолжал сосед. Когда в палату пришел следователь, мой дед так и сделал, сказав, что он австрийский подданный. Деда перевозят в Австрию, где он помещается в тюрьму.

Очная ставка с мнимым "дядей" состоялась, но "дядя" не признал в нем племянника. Тогда деда сажают в одиночную камеру до выяснения личности. Потеряв счет времени, мой дедушка просидел в одиночке, пока не узнал из газеты (на Пасху кто-то принес в тюрьму передачу, завернутую в газету), что смертная казнь в России отменена и заменяется вечной каторгой. После этого дедушка признается следователю, что он российский подданный и называет свою настоящую фамилию. Его переводят в Варшавскую тюрьму, затем судом он приговаривается к пожизненной каторге в Сибирь (г. Иркутск).

В Варшаве остается его молодая жена с младенцем на руках. По совету сведущих людей она идет в услужение к княгине Галициной, имеющей большое влияние на царя. Княгиня приняла горячее участие в судьбе молодой женщины и ходатайствовала перед царем в смягчении приговора моему деду. Вечную каторгу заменили 20-летней каторгой и моей бабушке разрешили ехать к мужу в Сибирь, выдав из царской казны 300 рублей на дорогу.

После 20-летней каторги, разрешили поселиться в г. Оренбурге (Оренбургская область была областью ссыльных). На детей и жену это ограничение не распространялось. Мой дедушка после каторги прожил всего 8 лет, а его младшему сыну Станиславу — моему будущему отцу исполнилось 7 лет. Похоронен дедушка в г. Оренбурге.

Бабушка, мать моего отца, после смерти мужа жила то в Варшаве,

то в Оренбурге, а затем переехала в г. Самару к дочери Марии. В г. Самаре она и похоронена. Мария с мужем и двумя детьми во время революции покидает г. Самару и возвращается в Польшу, в Варшаву. Во время Второй мировой войны вся семья погибает, за исключением её дочери Зофьи.

Старший брат отца Антон проживал в Самаре до 1921 года. Чтобы спасти семью от голода, он отправился в г. Ташкент за хлебом. В поезде заболел тифом и по приезде в Самару скончался.

Мой отец, Станислав, закончил в Оренбурге реальное училище, затем в матерью уехал в Варшаву, но его больше привлекала Россия. Уехав в Самару, отец сближается с революционной молодежью, посещает Заводские маевки, распространяет листовки с призывом свержения самодержавия. Революционная стихия все больше увлекает его. Ему поручают принять участие в покушении на Самарского генерал-губернатора. Роль отца сводилась: стоять на перекрестке и подвешивать условные знаки о продвижении губернаторской кареты. Покушение удалось, начались облавы. Во избежание ареста отец с другом покидает Самару навсегда и едут в Оренбургскую область. Проживают случайными заработками, осваивают специальность колбасного мастера. Работают в Тоцком, Сорочинске, Бузулуке до 1917 года, не теряя связи с революционным подпольем. В годы революции 1917 года отец работает на фабрике Коршунова в Сорочинске.

Революция поглотила его целиком, он часто выступает на митингах, избирается председателем фабрично-заводского комитета. В семье его почти не видят. После неоднократных покушений на его жизнь и на настоянию жены, моей матери, он бросает политику.

Во время гражданской войны они поселятся основательно в г. Бузулуке. Отец работает в пищевой промышленности. Всю войну — на ст. Бузулук в отделе рабочего снабжения, затем на мясокомбинате. Всю жизнь его страстью была охота, породистые охотничьи собаки и голуби.

Амел большой авторитет на работе, любовь и симпатии всех, кто его знал. Похоронен в 1969 году в Бузулуке на так называемом "Польском кладбище".

Моя мать, Камилля Залуска, в возрасте 16 лет была эвакуирована из Польши на территорию России во время Первой мировой войны 1914 года. В местечке, где она проживала с родителями и сестрой, планировалась большая военная операция. Военное российское командование заранее оповестило население и всячески помогало в его эвакуации. Уезжали на подводах, взяв с собой самое необходимое.

Двигались медленно и вскоре поблизости стали разрываться снаряды. Когда добрались до ближайшей станции, командование приняло решение отправить поездом в Россию матерей с детьми. У маминной сестры 23 лет было двое малолетних детей. Родители решили ей в помощь отправить поездом и Камиллу, мою мать. Поезд с беженцами планировалось выгрузить в Самаре, но Самара их не приняла. Решено было везти беженцев до ближайшей станции. Это был Бузулук.

Так с узелком в руках и 2-мя малыши детьми, почти не зная русского языка, две сестры сошли на Бузулукскую землю. Их приютили добрые люди, Гусаровы, жившие на Пушкинской улице. Помогали всем, чем могли. Когда мамина сестра заболела тифом, врачи сделали почти невозможное, чтобы спасти её.

Много было проблем с работой. Вначале шли для фронта рукавицы на дому, потом маму взяли на работу в частный кондитерский магазин продавцом. Здесь она постигла секреты кондитерского мастерства.

Два года сестры не имели связи с родными, Радостная весть пришла неожиданно из Америки, из Чикаго, где проживал в то время мамин брат. Он нашел всех родных через Международный Красный Крест. Вскоре маму познакомили с поляками, приехавшими в Бузулук. Среди них был и мой будущий отец. Венчание состоялось в Самарском костеле в 1916 году.

Мамина сестра с детьми перед революцией уехала в Польшу, к мужу. Во время Второй мировой войны её семья погибла.

Мои родители в 1917 году удочерили 2-х девочек-сирот. Своих детей у них было семеро (трое умерли в раннем детстве).

Мать занималась воспитанием детей и домашним хозяйством, 13 лет работала в торговле. Умерла в 1982 году, в г. Бузулуке.

Они прожили трудную жизнь, дели с русскими и голод, и холод, и редкие радости. Поэтому российская земля стала их второй родиной. Они только мечтали иногда посетить Польшу, но жить - в России.

Маша — / Э. Мавевская /
г. Бузулук, 10.11.1995 г.